

Проявление эмпатии как способ передачи коммуникативной интенции автора

А. В. Богомолова

*Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
bogomolova_av96@mail.ru*

Аннотация. Цель данного исследования – выявление проявления эмпатии как одного из способов передачи коммуникативной интенции автора на примере авторского перевода автобиографического произведения Тюдюаля де Гувелло «Enfant Fa'a'amu». Используются метод контекстуального анализа, метод сопоставительного анализа и метод сплошной выборки. Делается вывод, что эмпатия позволяет «проникнуть» во внутренний мир автора и, во-первых, должным образом определить коммуникативную интенцию, а, во-вторых, помочь читателю перевода правильно понять скрытые смыслы и уловить переживания автора. Постулируется, что достижение коммуникативно-равноценного перевода требует творческого подхода переводчика.

Ключевые слова: коммуникативная интенция автора, эмпатия переводчика, личный дневник, лирический речевой жанр, креативность переводчика

Для цитирования: Богомолова А. В. Проявление эмпатии как способ передачи коммуникативной интенции автора // Вестник Московского лингвистического университета: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 9–15.

Original article

Expression of Empathy as a Means of Conveying the Author's Communicative Intention

Alexandra V. Bogomolova

*Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
bogomolova_av96@mail.ru*

Abstract. The article discusses the use of empathy in conveying the author's communicative intention on the example of the author's translation of Tugdual de Gouvello's autobiographical work "Enfant Fa'a'amu." In order to achieve the aforementioned goal, a number of methods were employed, including the method of contextual analysis, the method of comparative analysis and the method of solid sampling. It can be concluded that empathy allows the translator to gain insight into the author's inner world, thereby enabling the determination of the communicative intention and the facilitation of the reader's comprehension of the hidden meanings and the author's experiences. It can be postulated that in order to achieve a communicatively equivalent translation, the translator needs to be creative.

Keywords: author's communicative intention, translator's empathy, personal diary, lyrical speech genre, translator's creativity

For citation: Bogomolova, A. V. (2024). Expression of empathy as a means of conveying the author's communicative intention. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 9–15. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проводимого исследования обусловлена неослабевающим интересом к языковой личности и к вопросам эмоциональной компетентности переводчиков, в частности, к умению проявлять эмпатию. В исследованиях последних лет данная проблема активно разрабатывается не только в контексте устного перевода, где особое внимание уделяется психологическому портрету [Валиева, 2023] и формированию эмотивно-эмпатийных навыков устных переводчиков [Карпова, 2021; Шемет, Мощанская, 2024], но и в плане проявления эмпатии при переводе художественного текста в целях сохранения эмоциональной составляющей исходного текста и естественности звучания текста перевода [Кушникова, 2022].

Коммуникативная интенция автора – это своего рода *душа* произведения, которую переводчик стремится облечь в новое *тело*. Однако, новое *тело*, представленное переводящим языком и принимающей культурой, не всегда легко *подобрать*, поскольку первоочередной задачей переводчика является раскрытие всех смыслов исходного текста, как эксплицитных, так и имплицитных, что возможно благодаря проявлению переводчиком эмпатии к переводимому тексту. Соответственно, целью данной работы является выявление признаков эмпатии как одного из способов передачи коммуникативной интенции автора. В задачи исследования входит идентификация фрагментов текста, содержащих эмотивно-эмпатийный компонент, определение переводческих приемов, используемых для достижения коммуникативно-равноценного перевода, при котором основным становится проявление эмпатии со стороны переводчика. Материалом исследования служит авторский перевод автобиографического произведения Тюдюаля де Гувелло (Tugdual de Gouvello) «Enfant Fa'a'amu». В соответствии с поставленными задачами используются следующие методы: метод контекстуального анализа, метод сопоставительного анализа и метод сплошной выборки. Научная новизна проведенного исследования заключается в раскрытии эмпатии, проявляемой переводчиком при работе с оригинальным автобиографическим произведением, ранее не подвергавшимся переводу на русский язык, что подчеркивает важность рассмотрения Я-дискурса автора. Практическая ценность исследования заключается в возможности использования полученных результатов для развития эмоциональной компетентности письменных переводчиков.

ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК КАК ЛИРИЧЕСКИЙ РЕЧЕВОЙ ЖАНР

Произведение Тюдюаля де Гувелло (Tugdual de Gouvello) «Enfant Fa'a'amu», выбранное в качестве материала исследования, рассматривается как личный дневник. В терминах В. В. Прозорова личный дневник относится к лирическому речевому жанру, представляющему для автора возможность снять с себя бремя полученных впечатлений, которые оказывают на него определенное влияние. Ведение записей подобно психотерапевтическому саморегулированию – такая рефлексия помогает автору не только зафиксировать пережитые моменты, но также заглянуть в себя и должным образом «прожить» и прочувствовать описываемые события. Дневник становится «наперсником автора», которому известны все тайны авторской души, его тревоги и сомнения [Прозоров, 2019, с. 36].

Личный дневник отличается автокоммуникативной направленностью и интимностью, его основной коммуникативной интенцией является желание выговориться, а также конструирование Я-образа, выступающего скрепой всего текста: неважно, о чем и как пишет автор, полученный текст в любом случае будет выступать отражением его личности [Калинина, 2012].

Рассматриваемое произведение описывает личные, практически неуловимые переживания, отзывающиеся в душе автора в момент написания. Считаем необходимым отметить, что Т. де Гувелло не является профессиональным писателем, а значит не знаком с принципами написания художественного текста. Автор делится личной историей усыновления ребенка во Французской Полинезии и рассказывает о всех сложностях, с которыми пришлось столкнуться на пути к достижению цели. Его повествование искренне и откровенно: он честно и открыто делится своими переживаниями и сомнениями, страхом перед неизвестностью и теплом, наполнявшим новоиспеченных родителей после знакомства с сыном. В данном случае коммуникативная интенция автора – поделиться сокровенным и показать избравшим подобный путь, что нет ничего невозможного, даже несмотря на трудности.

РОЛЬ ЭМПАТИИ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Выделяя несколько типов эквивалентности, А. Д. Швейцер утверждает, что экспрессивная эквивалентность достигается за счет сохранения экспрессивно-эмотивной коннотации исходного текста, что невозможно при слепом и бездумном копировании его стилистических средств: степень

экспрессивности может отличаться, что приведет к утрате коммуникативного эффекта [Швейцер, 1988]. Чтобы сохранить коммуникативный эффект, переводчику следует проявить эмпатию, понимая ее как способность поставить себя на место говорящего и прожить все чувства и переживания, описанные автором исходного сообщения.

По мнению Л. В. Козяревич, «эмпатия как умение видеть и оценивать внутренний мир другого «я» является одним из компонентов переводческого переосмысления» [Козяревич, 2013, с. 140]. Такая способность приобретает особую значимость, когда переводчик сталкивается с текстами, наполненными личными переживаниями: ему необходимо буквально «проникнуть» во внутренний мир автора и «прожить» описанные события, то есть, в терминах М. Новотна, «прочувствовать ауру» текста, чтобы «воссоздать атмосферу» в переводе [цит. по: Кушина, Аликина, 2021, с. 276].

«Проживание» текста в первую очередь зависит от личного опыта переводчика, поскольку последний эксплицирует «собственное эмоциональное состояние как проекцию фрагментов реальной действительности» [Масленникова, 2019, с. 82]. Переводчик выступает проводником читателя во внутренний и внешний мир автора и «принимает на себя функцию квази (co) автора» [там же, с. 85]: от его решений зависит, сможет ли читатель перевода встать на верный путь интерпретации авторского замысла или коммуникативная интенция так и останется нераскрытой. Способность распутать клубок скрытых смыслов с необходимостью обусловлена умением проявлять эмпатию.

В рассматриваемом нами произведении сталкиваются две культуры: культура Франции и культура заморских территорий Франции (бывших колоний), где свято чтут традиции.

Усыновление ребенка для русской культуры явление не чуждое и в целом мало отличается от процедуры усыновления во Франции, представляя собой долгий процесс, сопровождаемый сбором бесчисленного количества документов. Однако усыновление во Французской Полинезии имеет определенную специфику. Речь идет о традиции fa'a'itu, согласно которой семья, не обладающая возможностью содержать ребенка, может передать его на попечение ближайших родственников или соседей. Если при классической процедуре усыновления в европейских странах, в большинстве случаев, усыновляют сирот либо детей родителей, лишенных родительских прав, то во Французской Полинезии желающим усыновить приходится в буквальном смысле самим искать беременных женщин, готовых отдать своего ребенка. Этот же принцип действует

и в обратную сторону: биологическая мать может выбрать семью, готовую взять на попечение ее ребенка.

Вышесказанное накладывает эмоциональный отпечаток на автора, поскольку ему надлежит выйти из «зоны комфорта», поступиться своими принципами и начать жить по правилам полинезийского общества. В таких случаях переводчику важно осознать, что для самого повествователя это явление незнакомо, что он ощущает некий дискомфорт.

Проявление эмпатии необходимо для установления межличностной связи между автором и потенциальным читателем перевода, чтобы даже в переводе автор смог *достучаться* до души каждого читателя, преодолев культурные и языковые различия. Однако в ряде случаев проявление эмпатии может негативно сказаться на переводческом процессе, поскольку как в устном, так и в письменном переводе переводчики могут оказаться слишком чувствительными к переводимому материалу. Проявление лишних эмоций со стороны переводчика приведет к неверно расставленным акцентам, появлению в тексте перевода смыслов, не заложенных изначально автором, и, как следствие, к искажению коммуникативной интенции автора.

«И ДОЛГО МУЧИЛСЯ НАД СЛОВОМ, КОТОРОЕ НЕ ХОТЕЛО ПРИХОДИТЬ...»: ЭМПАТИЯ И КРЕАТИВНОСТЬ

Несмотря на мнение, что между переводом и креативностью нельзя поставить знак равенства (*traduction ne rime pas avec créativité*), при работе с художественными текстами переводчик непременно использует творческий подход. По мнению Л. Эйсона (Lance Hewson), при переводе художественных текстов можно выделить два вида переводческих решений: осознанные (*le choix de traduction conscient*) и неосознанные (*le choix de traduction semi-automatique*). Последнее предполагает, что переводчик механически перекладывает текст с одного языка на другой с опорой на предыдущий переводческий опыт, используя уже проверенные соответствия и не нарушая при этом нормы принимающего языка и смысл исходного текста. Осознанное переводческое решение, напротив, подразумевает, что переводчик пользуется богатствами языка перевода и, проявляя креативность, перебирает разные варианты перевода в поисках адекватного. Этот этап скрыт от глаз читателя, однако для переводчика это самые настоящие «муки переводческие», поскольку в определенный момент он осознает, что привычное соответствие, не нарушающее смысл исходного текста, не может в полной мере отразить замысел автора и стиль

текста. Поэтому, чтобы передать «внутренний голос» текста, переводчику необходимо проявить креативность и найти такие соответствия, которые смогли бы не просто воспроизвести текст в переводе, но и «окрасить» его теми же красками, что и исходный текст [Hewson, 2017].

При работе с выбранным произведением мы несколько раз констатировали, что дословный перевод не передает чувства и эмоции, скрытые в исходном тексте, и, следовательно, у читателя не создается нужный образ, который помог бы понять, что происходило на душе автора в момент написания текста. Рассмотрим некоторые примеры.

Corentin a tout juste une heure quand nous lui donnons son premier micro-biberon, encore tout surpris de ce qui nous arrive. Atirina a été emmenée dans sa chambre pour se reposer. ***Nous regardons le bébé comme un Martien tombé du ciel, fragile comme du cristal***¹ (с. 79).

В данном фрагменте *начинающие* родители впервые остаются наедине со своим сыном. Их переполняют эмоции: им одновременно и радостно, и страшно. В одном из вариантов перевода мы попытались добиться максимальной близости с текстом оригинала в стремлении сохранить исходные образы, т.е. выбрали необдуманное решение: *Мы рассматриваем малыша как пришельца, упавшего с небес, такого хрупкого, как хрусталь*. Однако при таком варианте текст теряет естественность выражения на языке перевода. Сравнение малыша с пришельцем не вызывает у читателя положительных эмоций, скорее, наоборот. На данном этапе переводчику необходимо проявить эмпатию и вспомнить, как именно в принимающей культуре описывают встречу с новорожденным ребенком и какие варианты звучат естественнее в переводящем языке. В финальном варианте, проявив творческий подход, мы обратились к описательному переводу, а также добавили эпитет «маленький», чтобы усилить сравнение «*fragile comme du cristal*» и значение хрупкости:

Корантену всего лишь час, и вот мы впервые кормим его из мини-бутылочки, сами еще не до конца осознавая, что с нами произошло. Атирину увезли в палату, чтобы она могла отдохнуть. ***А мы рассматриваем малыша: он как будто не с нашей планеты, как будто упал с небес, такой он маленький и хрупкий***.²

В следующем примере автор называет сына *une petite crevette*, что является довольно распространенным ласковым обращением к ребенку во

франкоговорящих странах. Если сохранить данный образ, то для русскоязычного читателя подобное сравнение будет звучать несколько чужеродно. При переводе нам помогает предыдущий контекст, где автор сравнивает звуки, которые издает Корантен, с мяуканьем котенка. Таким образом нам удастся избежать сравнений, чуждых принимающей культуре, а также создать единый образ маленького и хрупкого создания путем добавления уменьшительно-ласкательного суффикса к существительному «котенок».

C'est vraiment ***une toute petite crevette*** et le revoir dans son landau nous bouleverse (с. 80). – А ведь он действительно похож на ***котеночка***, и каждый раз глядя на то, как он спит в люльке, мы не можем сдержать слезы.

Il est chou le petit Corentin, et nous voyons bien qu'il a la cote auprès du personnel médical avec sa petite taille et ***ses couinements de chaton*** (там же). – Слыхом уж он ***милый***, наш Корантен, и так он нравится всему персоналу клиники, этот маленький комочек, ***попискивающий, как котенок***.

Интересно, что в данном фрагменте используется еще одно довольно распространенное уменьшительно-ласкательное обращение *chou*, что в переводе означает «капуста». Здесь оно используется в значении «очаровательный, хорошенький, милый». В переводе мы учитываем структуру предложения (эмфатическое выделение *le petit Corentin*) и усиливаем значение *chou* с помощью наречия «слишком» и усилительной частицы «уж».

С точки зрения выбора переводческих решений наше внимание привлекает финальная реплика исповеди автора: «Je suis heureux». О смыслах, скрытых за этими тремя словами, мы упоминали в предыдущих исследованиях, однако хотим обратить внимание на то, как излишнее проявление креативности и эмпатии может исказить перевод.

Проникнувшись историей автора, изначально мы перевели данную фразу следующим образом: «*Я наконец-то обрел свое счастье*». И, казалось бы, мы учли нелегкий и долгий путь автора к заветной мечте, постарались воссоздать и пережить вместе с ним момент расслабления и осознания, но излишняя креативность исказила стиль автора и, следовательно, его коммуникативную интенцию. Единственным намерением автора было зафиксировать свои воспоминания, чтобы впоследствии поделиться опытом с другими. Но не следует забывать, что автор не является профессиональным писателем, а данное произведение – это не что иное, как творческий и душевный порыв. Мы смеем предположить, что, записывая

¹Здесь и далее цитируется «Enfant Fa'a'mu» T. de Gouvello, 2017. – А.Б.

²Здесь и далее перевод наш. – А.Б.

свои мысли, автор не стремился использовать стилистические фигуры и намеренно наполнить текст скрытыми смыслами, его повествование схоже с разговором с другом, который поделится историей и подскажет решение. Переводчику, со своей стороны, следует учитывать стилистическую и экспрессивную сторону исходного текста, поскольку «соотнося их с общим идейно-художественным замыслом автора, он устанавливает экспрессивно-стилистическую тональность подлинника» [Рецкер, 2004, с. 131]. Поэтому в данном случае излишний «пафос» в повествовании представляется неуместным, искажающим стиль автора и нарушающим тональность исходного текста. Принимая во внимание вышесказанное, мы остановили свой выбор на следующем варианте – «*Вот теперь я счастлив*».

При переводе выбранного нами произведения особенно важно «воссоздать атмосферу», поскольку, помимо всех внутренних переживаний и сложной ситуации, супруги находятся в другой стране, вдали от дома и близких, где многое им кажется чуждым, при этом никто не знает, как долго они там пробудут. Эта неопределенность накладывает свой отпечаток и на повествование: бесконечное ожидание утомляет и автора, и его супругу Изабель. Спустя некоторое время супруга возвращается во Францию, чтобы уладить необходимые формальности, автор остается на Таити один. И если первое время он находит, чем себя занять – придумывает новые хобби, встречается с друзьями, посещает новые места – то со временем ожидание приезда супруги и появления на свет ребенка становится невыносимым. И, конечно же, этот момент находит отражение в дневнике:

Deux autres jours viennent de passer. Deux jours pendant lesquels je n'ai fait que regarder **le temps passer** et surtout subir **le temps qui passe**. Attendre que **le temps passe**... Il n'y a pas d'autre solution ! Il faut du temps pour que le bébé se fasse et grandisse dans le ventre de Atirina, et ça c'est immuable. Alors j'essaie de m'occuper l'esprit et le corps. Je lis ou je regarde un film. Je m'évade en somme, pour découvrir avec plaisir que **du temps est passé**, un temps que je n'aurai pas à supporter (с. 70).

В приводимом фрагменте несколько раз встречается словосочетание *le temps passe* в разных вариациях, что в определенной степени создает образ чего-то монотонного, повторяющегося и не приносящего никакого удовольствия. К тому же появлению такого образа способствует использование глаголов с явно отрицательной коннотацией – *subir, supporter, perdre*. При «воссоздании атмосферы» оригинала необходимо учитывать, что русскому слову характерна большая

экспрессивно-стилистическая конкретность, нежели французскому: стилистически нейтральное французское слово может иметь эквиваленты с разной стилистической окраской в русском языке. Как отмечает В. Г. Гак, «выбор выразительного слова объясняется нередко выразительностью соседнего слова или более широкого контекста. В русском языке экспрессивно-стилистическое согласование – один из законов словоупотребления» [Гак, 2006, с. 129].

В переводе мы уходим от повтора нейтрального выражения *идет время* и, используя приемы смыслового развития и экспрессивной конкретизации, подбираем в русском языке выражения, которые смогут передать идею, что *время течет слишком медленно для тех, кто ждет*. Также в переводе мы «обыгрываем» использование частичного артикля во французском языке в следующей фразе: *Je m'évade en somme, pour découvrir avec plaisir que du temps est passé*. В данном случае частичный артикль *du* передает идею, что прошло лишь немного времени, но, возможно, по ощущениям автора, прошла вечность. Поэтому нам представляется важным отразить это в переводе, а также акцентировать отрицательную коннотацию глагола *supporter* в следующем предложении:

Прошло еще два дня. Я только и делал, что наблюдал за тем, как **медленно идет время**, но скорее страдал от того, что **время тянется настолько медленно**. Ждать, когда наступит нужный момент... А другого и не остается! Нужно время, чтобы малыш подрос в животе Атирины, по-другому никак. Поэтому я пытаюсь занять и ум, и тело. Читаю книгу. Смотрю фильм. В общем, просто сбегая от реальности, чтобы потом с удовольствием понять, что **прошло хоть немного времени**. И мне не придется переживать, как **тянутся эти минуты**.

Эта личная история может помочь многим желающим усыновить ребенка, понять, что они не одиноки в этих жизненных испытаниях: иногда очень хочется знать и верить, что все трудности на пути временны, что, несмотря ни на что, всё равно будет счастливый конец. По мнению Я. И. Рецкера, переводчик обязан «передать не только то, что сказано в оригинале, но и **как** это сказано» [Рецкер, 2004, с. 18], поэтому при первом прочтении текста оригинала переводчику следует уловить настроение автора, которое последний стремится выразить словами, и выделить эмоционально окрашенные элементы, чтобы добиться «гармоничного» (в терминах Л. В. Кушниковой) перевода и создать текст с равноценным эмоциональным зарядом. Как правило, выявить такие элементы

не составляет труда, но сложности возникают при «переложении» на другой язык, поскольку описываемые эмоции становятся «пресными», в тексте перевода как будто не хватает легкости. Именно в этот момент переводчику следует проникнуть в мир автора, попытаться прожить этот момент вместе с ним, чтобы вспомнить, как он мог бы отреагировать, какими языковыми средствами мог бы он выразить схожие эмоции на родном языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показывает, что проявление эмпатии со стороны переводчика позволяет отследить скрытые смыслы исходного текста, что, в

свою очередь, способствует уточнению коммуникативной интенции автора и выбору адекватных переводческих стратегий и приемов для достижения коммуникативно-равноценного перевода. Переводчик становится связующим «мостом» между автором и читателем перевода, поэтому, чтобы пробудить чувства в читателе, переводчику прежде всего необходимо самому прожить историю, описанную в исходном тексте, поставить себя на место автора и взглянуть на мир его глазами. При этом для достижения адекватного перевода переводчику следует проявить творческий подход, чтобы верно передать коммуникативную интенцию автора путем использования широкого спектра ресурсов языка перевода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Валиева Ф. И. Психологический портрет современного переводчика: конструкт стрессоустойчивости // Обучение переводу в многопрофильном вузе: коллективная монография. Санкт-Петербург, 2023. С. 188–204.
2. Карпова Ю. А. Содержание и функции эмотивно-эмпатийного взаимодействия при обучении устных переводчиков иноязычному диалогическому речевому общению // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2021. № 1. С. 144–158.
3. Шемет Б. В., Мощанская Е. Ю. Эмоциональная компетентность устного переводчика в сфере административно-социального перевода // Современные проблемы науки и образования. 2024. № 1.
4. Кушнина Л. В. Лингвопрагматический потенциал эмоциональной культуры языковой личности переводчика // Didactica Translatoria. 2022. № 2. С. 4–8.
5. Прозоров В. В. Дневник как лирический речевой жанр // Жанры речи. 2019. Вып. 1 (21). С. 34–41.
6. Калинина Е. И. Коммуникативная составляющая модели речевого жанра личного дневника в рамках гипержанра «diary» в британской лингвокультуре // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. Вып. 4 (52). Т. 3. С. 229–233.
7. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
8. Козяревич Л. В. Фасцинация и эмпатия в аспекте перевода как категории коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 9(669). С. 136–143.
9. Кушнина Л. В., Аликина Е. В. Объективные и субъективные факторы в семиотическом пространстве перевода // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Вып. 4(37). Т. 10. С. 275–279.
10. Масленникова Е. М. Эмоциональная оценочность в двуязычной текстовой коммуникации // Взаимодействие языков и культур: сборник материалов VII международной научной конференции. 2019. С. 82–90.
11. Hewson L. Les paradoxes de la créativité en traduction littéraire // Meta. 2017. Vol. 62. № 2. P. 501–520.
12. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2004.
13. Гак В. Г. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М.: КомКнига, 2006.

REFERENCES

1. Valieva, F. Iv. (2023). Psychological profile of a professional interpreter: the construct of stress coping abilities. Obuchenie perevodu v mnogoprofil'nom vuze = Translation education in a multidisciplinary university (pp. 188–204): The collective monography. (In Russ.)
2. Karpova, Yu. A. (2021). The content and functions of emotive-empathic interaction in teaching foreign-language dialogic speech communication to interpreters. PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin, 1, 144–158. (In Russ.)
3. Shemet, B. V., Moschanskaya, E. Yu. (2024). Emotional competence of interpreters in the field of community interpreting. Modern problems of science and education, 1. (In Russ.)

4. Kushnina, L. V. (2022). Reflection of linguo-pragmatic potential in the emotional culture of the translator's linguistic persona. *Didactica Translatoria*, 2, 4–8. (In Russ.)
5. Prozorov, V. V. (2019). Diary as a lyrical speech genre. *Speech Genres*, 1(21), 34–41. (In Russ.)
6. Kalinina, E. I. (2012). Communicative strategies in modeling a private diary as a speech genre in the british linguoculture. *Bulletin of Kemerovo State University*, 4(52), 229–233. (In Russ.)
7. Shveitser, A. D. (1988). *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* = Translation theory: status, problems, aspects. Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Koziarevych, L. V. (2013). Fascination and empathy in translation as categories of communication. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 9(669), 136–143. (In Russ.)
9. Kushnina, L. V., Alikina, E. V. (2021). Objective and subjective factors in the semiotic space of translation. *Baltic Humanitarian Journal*, 4(37), 275–279. (In Russ.)
10. Maslennikova, E. M. (2019). Emotional evaluation in bilingual textual communication. *Vzaimodeistvie yazykov i kul'tur* (pp. 82–90): The digest of articles of the VII international scientific conference. (In Russ.)
11. Hewson, L. (2017). Les paradoxes de la créativité en traduction littéraire. *Meta*, 62(2), 501–520.
12. Retsker, Ya. I. (2004). *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* = Translation theory and translation practice. Moscow: R. Valent. (In Russ.)
13. Gak, V. G. (2006). *Besedy o frantsuzskom slove. Iz sravnitel'noi leksikologii frantsuzskogo i russkogo yazykov* = Conversations about the French word. From comparative lexicology of French and Russian languages. Moscow: KomKniga. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Богомолова Александра Владимировна

старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения
Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации
Иркутского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bogomolova Alexandra Vladimirovna

Senior lecturer at the Department of Translation and Translation Studies
Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications
Irkutsk State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.09.2024
15.10.2024
18.10.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication